

нетики Н. Винер с большой осторожностью относился к идее прямого распространения математических методов естественных наук в гуманитаристике и не разделял оптимизма тех исследователей, которые «от убеждения в том, что это необходимо, ... переходят к убеждению в том, что это возможно»⁵. Общество как многокомпонентная и многоуровневая динамическая система с сильно разветвленной и изменяющейся структурой представляет исключительную сложность для математического описания. Это существенно ограничивает точность математического моделирования социально-политических процессов и явлений и степень достоверности прогнозных моделей.

Принимая во внимание описанные выше особенности социально-экономических и политических прогнозов, попробуем сделать некоторые выводы относительно последствий современного экономического кризиса. Нынешний экономический кризис вполне сопоставим с «Великой депрессией» 1929–1933 гг., а противоречия современного социально-экономического и политического развития планеты, вызвавшие его, превосходят по своим масштабам те, что были в 1930-е гг. Следовательно, он будет не менее длительным, чем аналогичный кризис 1929–1933 гг., и возможно, приведет к серьезным политическим и экономическим изменениям; По сравнению с ситуацией 1930-х гг., появился такой важный фактор, как осознание ограниченности невозобновимых природных ресурсов (нефти, газа и др.). Поэтому борьба за ресурсы будет более жесткой, хотя в большинстве случаев может не принимать военной формы. Резкий рост численности населения планеты привел к усилению давления на экосистему в ряде регионов планеты, и вновь актуализировались неомальтузианские теории «ограниченности жизненного пространства», доступного только для избранных (подобная идеология была в Германии перед II Мировой, и тут возникают самые мрачные параллели и аналогии). Это увеличивает риск перманентных локальных войн с гибелью большого количества людей (Югославия 1990-х гг., Руанда середины 1990-х гг. и др.). В ряде государств планеты наблюдается кризис парламентской демократии и усиление авторитарных тенденций власти. Поэтому вполне закономерно, что в экстремальных условиях финансового кризиса и все убыстряющегося социального времени традиционная демократическая политическая структура потребует серьезного реформирования.

Примечания

¹ Бестужев-Лада И.В. Прогнозное обоснование социальных нововведений. М., 1993. С. 17.

² Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994. С. 163.

³ Kahn H., Bruce-Briggs B. Things to Come: Thinking about the Seventies and Eighties. N.Y., 1972. P. 149.

⁴ Яковец Ю.В. Циклы. Кризисы. Прогнозы. М., 1999. С. 11.

⁵ Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. М., 1983. С. 246.

*Д.В. Плюйко
(Омск)*

ПРОБЛЕМЫ «КРАСНОГО» ТЕРРОРА В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ТЕРРИТОРИИ СИБИРИ

В 1990-х — первой половине 2000-х гг. появился целый ряд работ историков-сибиреведов, свидетельствующих об усилившемся интересе исследователей к до-

вольно болезненной для общественного сознания теме «красного» и «белого» террора. Сложившаяся историографическая ситуация, несомненно, является отражением общероссийских тенденций, направленных на тотальное переосмысление истории Гражданской войны. Однако, несмотря на значительное продвижение, достигнутое уже к началу 2000-х гг., возможности расширения проблематики, а равно и новой, более адекватной интерпретации важнейших аспектов данной темы нельзя считать исчерпанными.

По мнению одного из исследователей историографии Гражданской войны в России В.И. Голдина, «потребность продолжения комплексного изучения темы террора в годы Гражданской войны остается весьма актуальной»¹. Подходы к решению этой задачи могут быть различными, но одним из наиболее перспективных по-прежнему является переоценка исследовательского опыта первых историков Гражданской войны в Сибири, своего рода диалог современных историков со своими предшественниками.

Общим ориентиром для первого поколения советских исследователей Гражданской войны служили взгляды В.И. Ленина, полагавшего, что «рождение нового строя невозможно без революционного насилия», а сама война «немыслима ни без разрушений тягчайшего вида, ни без террора»². Позиция В.И. Ленина в вопросе о применении террора совпадала с мнением других вождей Советского государства. Например, Л.Д. Троцкий также рассматривал террор как неотъемлемый атрибут социальной революции. Он писал: «Кто отказывается от мер подавления и устрашения по отношению к ожесточенной и вооруженной контрреволюции, тот должен отказаться от политического господства рабочего класса, от его вооруженной диктатуры»³.

В трудах советских историков 1920-х гг. указанные взгляды нашли прямое отражение. Однако террор «белых» изображался как насилие, устрашение и принуждение рабочих и крестьян, тогда как репрессивные действия большевиков представлялись в качестве «справедливого» «красного террора». Необходимо обратить внимание на то, что подобные заявления лидеров большевистской партии, открыто пропагандировавших террор, существенно отличались от заявлений вождей «белых» армий, которые не только не стремились теоретически обосновать акты насилия и террора, но иногда осуждали это насилие, пытаясь по-своему объяснить его природу. Так, генерал А.И. Деникин признавая факт внеправовых действий армии, выражал сожаление по поводу того, что «военная добыча стала для некоторых снизу — одним из двигателей, для других сверху — одним из демагогических способов привести в движение иногда инертную, колеблющуюся массу»⁴.

Изучение проблем «красного» террора и политических репрессий в Сибири большевиков носило неравнозначный характер. Начиная с 1920-х гг. в отечественной историографии Гражданской войны в силу существовавших идеологических установок, было принято писать только о «белом» терроре А.В. Колчака и правительства «демократической контрреволюции», тогда как репрессивные акции советских карательных органов оставались вне исследовательских интересов.

В 1920-е гг. советскими историками явления «красного» террора были затронуты в различных формах и проявлениях.

Видным советским государственным деятелем и историком Е.М. Ярославским в статье «Октябрьская революция в Сибири» было введено понятие «красного банди-

тизма». Это интересное явление Гражданской войны в Сибири, по мнению Е.М. Ярославского, было вызвано ситуацией, когда некоторая часть бывших партизан считала, что органы милиции и ЧК неудовлетворительно вела борьбу с остатками контрреволюционных сил. Поэтому «они ударились в так называемый "красный бандитизм", самостоятельно уничтожая тех, кого они считали контрреволюционерами»⁵. То есть в данном случае историк, не уточняя деталей, вел речь о самостоятельных расправах и преследованиях со стороны членов партизанских отрядов. Важно отметить, что на первых порах советская власть даже не пыталась противостоять этому, безусловно, негативному факту карательных действий. Проблему «красного бандитизма» Е.М. Ярославский поставил как наиболее важную для других советских историков, так как этот бандитизм мог причинить серьезную угрозу существованию советской власти в Сибири. К сожалению, данное исследование Е.М. Ярославского было продолжено советскими историками Гражданской войны только в 1960-х гг.

Одним из ключевых звеньев советской системы судопроизводства периода революции и гражданской войны являлся революционный трибунал. Согласно декретам СНК «О суде» от 22 ноября 1917 г. и «О революционных трибуналах» от 4 мая 1918 г. было оформлено две системы судов: общие суды, рассматривавшие все гражданские дела и большую часть уголовных дел, и революционные трибуналы, которые должны были вести рассмотрение дел о наиболее опасных контрреволюционных преступлениях против советской власти.

В Сибири в 1920-е гг. изучение функционирования ревтрибуналов шло через исследование биографии видных деятелей большевизма. Видными деятелями большевизма в Омске были З.И. Лобков и А.А. Звездов. В работах, которые освещают их деятельность по организации аппарата советской власти, мы можем обнаружить интересные сведения о работе первых судебных учреждений Омска⁶. В работе «Тов. Лобков» отмечалась готовность большевиков посредством органов суда (ревтрибуналов) и следствия (милиции) расправится с малейшим сопротивлением. Подчеркивался их профессионализм, который сорвал планы чиновников по дезорганизации работы большинства государственных учреждений и буржуазии, не отпускаяшей поездам угля для функционирования железной дороги. К сожалению, говоря о действиях органов правосудия, авторы не указывали даже примерное количество осужденных, ограничиваясь лишь общими формулировками о беспощадности борьбы с врагами революции. Необходимо отметить, что, по мнению советских исследователей деятельности ревтрибуналов, большевики вполне правомерно отвергли суд как орган, который должен стоять над различными политическими силами и решать виновность того или иного лица. Показательным в этом отношении стало высказывание председателя Верховного ревтрибунала ВЦИК Н.В. Крыленко: «Суд в нашем государстве должен стать органом классовой борьбы господствующего класса над своими врагами»⁷. Таким образом, большая часть карательных мер, которые применял ревтрибунал при различных обстоятельствах, приобретала форму классовой борьбы.

Во второй половине 1950-х гг. в связи с начавшимся процессом десталинизации общества происходят значительные перемены в изучении Гражданской войны в Сибири. Советскими историками возобновляется изучение темы террора и политических репрессий большевистских карательных органов. Как было отмечено ранее,

террор большевиков в понимании советских историков являлся справедливой борьбой со всеми, кто сопротивлялся установлению власти советов.

В целом ряде работ советские историки подняли важную проблему — снабжения продовольствием (прежде всего хлебом) центральных губерний РСФСР в феврале–марте 1918 г. Ресурсы Сибири, которые были вовремя доставлены местными большевиками в Центр по сути дела спасли правительство В.И. Ленина (СНК) в Москве, не позволили ему погибнуть от нехватки продуктов. Но это выживание было достигнуто экстраординарными мерами. Например, одной из таких мер, которые приводит историк В.С. Познанский в работе «Ленин и Советы Сибири (1917–1918 гг.)» являлась карательная экспедиция А.А. Звездова против мешочников и спекулянтов. Важным является то обстоятельство, что В.С. Познанский называет данную экспедицию карательной и отмечает, что «ее направили совместно продовольственные и военные органы»⁸. По мнению В.С. Познанского, у должностных лиц Омской железной дороги был план, который заключался в организации саботажа и срыве выдачи угля для поездов с продовольствием для Москвы и Петрограда. И «лишь после угрозы А.А. Звездова расстрелять саботажников, уголь для эшелонов хлеба был отпущен со складов»⁹.

Применение большевиками методов террора в ходе выполнения продовольственной программы было отмечено в исследовании В.Т. Шуклецова. В.Т. Шуклецов отмечал, что советы крестьянских депутатов осуществляли не только «контроль за деятельностью предпринимателей и занимались конфискацией промышленных предприятий и торговых заведений»¹⁰. В подтверждение историк привел следующие факты: «В Купино, Кошкуне, Ново-Ключах были изъяты у хозяев и переданы сельским обществам паровые мельницы, купеческие склады с товарами и хлебом»¹¹. По мнению В.Т. Шуклецова, эти реквизиции были следствием неоправданного закрытия предприятий и лавок купцами и промышленниками.

В работах В.Т. Агалакова и В.И. Шишкина дана оценка деятельности таких советских карательных органов, как революционные комитеты и чрезвычайные комиссии. Эти органы, как и милиция, занимались преследованием и ликвидацией политической оппозиции большевизму в обществе. В.Т. Агалаков назвал эти органы «разведывательными и карательными органами, направлявшими свои удары по шпионам, заговорщикам, террористам, бандитам»¹². Немаловажно, что В.Т. Агалаков в отношении ревкомов и ЧК упоминает словосочетание «карательные органы» — это является подтверждением тому, что советские правоохранительные органы приобретали черты контрразведки адмирала Колчака.

В.И. Шишкин, проведя анализ методов борьбы ревкомов с антибольшевистской оппозицией, писал о создании 6 июля 1920 г. «пятерок» по борьбе с бандитизмом. «Пятерки» объединяли в своем составе всех высших партийных, военных и советских должностных лиц Сибири. По мнению В.И. Шишкина, эти органы власти позволяли «руководить подавлением антисоветских мятежей, провести большую работу по предотвращению возможных выступлений, а также выяснить причины возникновения каждого мятежа, его лозунги, социальный состав участников»¹³. На страницах своей монографии В.И. Шишкин полемизирует с историком В.Т. Медведевым по вопросу применения ревкомами карательных и чрезвычайных мер. В.Т. Медведев считал, что «основными методами работы революционных комитетов были приказ,

мобилизация, милитаризация гражданских учреждений, широкое использование мер принуждения»¹⁴. В.И. Шишкин, не соглашаясь с подобной точкой зрения, утверждал, что таким образом ревкомы Сибири могли действовать лишь на территории только что освобожденной от колчаковщины, а во всех остальных случаях ревкомы не применяли данные методы борьбы. И соответственно круг задач ревкомов тыловой территории был гораздо шире, нежели во фронтовой и прифронтовой полосе.

В 1960-х гг. историки Гражданской войны в Сибири вновь возвращаются к исследованию «красного бандитизма». Н.М. Кучемко и Л.И. Боженко, дополняя известные положения работы Е.М. Ярославского, писали о том, что помимо бывших партизан, которые составляли основу красного бандитизма, туда также входили работники милиции и ЧК.

Трудно не согласиться с историком В.Г. Бортневским, который отмечал: «Споры о красном и белом терроре часто напоминают обмен ударами: яркими фактами зверств и истязаний... И этот бой может длиться бесконечно, поскольку защитники как красного, так и белого террора всегда в запасе будут иметь новые "аргументы"»¹⁵. Поэтому вполне естественным выглядит то обстоятельство, что советская историография Гражданской войны была посвящена в основном террору белогвардейцев и различных сил контрреволюции, тогда как современная историография затрагивает исключительно репрессивную политику большевиков. Большая часть современных историков, не соглашаясь с историками советского времени, считает, что карательная политика «красных» после освобождения Сибири от войск Колчака имела следующие отличительные особенности: большевики использовали карательные меры против населения, чтобы 1) провести мобилизацию и продразверстку, которая позволила бы установить контроль над экономикой; 2) выбить из среды крестьянства своих политических оппонентов — эсеров и меньшевиков.

Надо отметить, что любая война неизбежно допускает террор: ожесточение противоборствующих сторон и нечистоплотность ее участников.

Примечания

¹ Голдин В.И. Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х — 1990-е гг.). Архангельск, 2000. С. 171.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 116–117.

³ Троцкий Л.Д. Терроризм и коммунизм. М., 1920. С. 3.

⁴ Денизин А.И. Очерки русской смуты. Т. 4. М., 1991. С. 93.

⁵ Ярославский Е.М. Октябрьская революция в Сибири // Историк-марксист. 1932. № 6. С. 41.

⁶ Тов. Лобков. Омск, 1925; Косарев В., Лобков З. Три года борьбы за диктатуру пролетариата. Омск, 1920; Лобков З.И. // Сибирская Советская Энциклопедия. Т. 3. Новосибирск, 1929; Звездов А.А. // Сибирская Советская Энциклопедия. Т. 2. Новосибирск, 1929.

⁷ Крыленко Н.В. Революционные трибуналы // Вестн. жизни. 1918. № 1. С. 83.

⁸ Познанский В.С. В.И. Ленин и Советы Сибири (1917–1918 гг.) Новосибирск, 1977. С. 64.

⁹ Там же.

¹⁰ Шуклецов В.Т. Сибиряки в борьбе за власть Советов. Новосибирск, 1981. С. 69.

¹¹ Там же.

¹² Агалаков В.Т. Из истории строительства советской власти в Восточной Сибири (1919–1921 гг.) Иркутск, 1958. С. 37.

¹³ Шишкин В.И. Революционные комитеты Сибири. М., 1978. С. 89.

¹⁴ Там же. С. 90.

¹⁵ Цит. по: Голдин В.И. Указ. соч. С. 165.